

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭПОХА, ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИР

Шильникова И.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14671

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Социальные факторы мотивации труда рабочих-текстильщиков в годы первой пятилетки (по архивным материалам Трехгорной мануфактуры)

Аннотация: В годы первых советских пятилеток одним из ключевых вопросов был вопрос повышения производительности труда, что вынуждало руководство предприятий обращать особое внимание на создание трудовых стимулов. Немаловажную роль в этом вопросе играло и качество социальных услуг, которые предприятие могло предоставить работнику: жилье, обеспечение товарами первой необходимости и т. п. Безусловно, идеологические установки оказывали свое влияние, и борьба за создание «социалистического быта», который по определению должен был быть более качественным по сравнению с дореволюционным, заставляла заниматься социальной сферой. Но в то же время руководство предприятий вполне отдавало себе отчет в том, что бытовая неустроенность снижает производительность, качество труда и дисциплины. Исследование, проведенное на основе архивных материалов и направленное на изучение социальных факторов трудовой мотивации на отдельном предприятии в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.), позволяет более детально проанализировать конкретные меры, предпринимавшиеся в этой сфере партийным и хозяйственным руководством, их эффективность, в том числе по сравнению с более ранним периодом. В данном случае в центре рассмотрения находится крупное текстильное предприятие с богатой дореволюционной историей – Трехгорная мануфактура.

Ключевые слова: мотивация труда, трудовые отношения, рабочие-текстильщики, квалификация рабочих, первая пятилетка, социальная сфера, Трехгорная мануфактура, уровень дохода, жилье, продовольственное снабжение.

Annotation: During the years of the first Soviet Five-Year Plan one of the key questions was the increase of labour productivity, which compelled plant managers to devote particular attention to the creation of work stimulus. A significant role was played by the quality of the social services that the plants could offer their workers: housing, provision of essential commodities, etc. Undoubtedly, the ideological setting had its effect and the struggle for the creation of a “socialist way of life”, which by definition had to be of better quality in comparison to the pre-Revolutionary one, forced the development of the social sphere. At the same time, plant managements were well aware that the household disarrangement lowered productivity, labour quality and discipline. This research, based on archival material and directed at the study of the social factors in labour motivation on a separate plant during the years of the first Five-Year Plan (1928–1932), permits a detailed analysis of the precise measures undertaken in this sphere by the party and economic managements, their effectiveness, including as opposed to the earlier period. In this case at the heart of the study is the large textile plant with a rich pre-Revolutionary history – the “Trehgornaya factory”.

Key words: labour motivation, labour relations, textile-workers, worker qualification, first Five-Year Plan, social sphere, “Trehgornaya factory”, income level, housing, provision of essential commodities.

В промышленности дореволюционной России к началу XX в. сформировалась система стимулирования труда рабочих, включавшая в себя три ключевых компонента: вознаграждение, принуждение и побуждение. Социальные факторы (создание

приемлемых жилищных условий, снабжение товарами первой необходимости, гарантии социальных выплат и т. п.) являлись одним из элементов данной системы и должны были мотивировать рабочих на качественный и дисциплинированный труд, а также закрепить за

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Система стимулирования труда промышленных рабочих в годы советской индустриализации (1928–1941 гг.): опыт микроанализа», проект № 14-01-00438а

предприятием наиболее квалифицированных работников. Меры стимулирования труда пересматривались по ходу изменений политической ситуации и экономической политики в годы военного коммунизма и нэпа. «Великий перелом» и начавшаяся форсированная индустриализация привели к заметным изменениям в системе трудового стимулирования. Многие мероприятия в этой сфере все чаще стали определяться идеологическими целями, которые преследовала власть. Борьба за создание «социалистического быта», который по определению мыслился более качественным по сравнению с дореволюционным, заставляла местные партийные и хозяйственные органы, профсоюзы и руководство предприятий заниматься социальной сферой.

В отечественной историографии немало работ посвящено положению российской промышленности и отдельных ее отраслей в годы первых пятилеток. Рассматривалась и политика в вопросах стимулирования труда рабочих и налаживания дисциплины на производстве [5; 11]. Авторы характеризовали характер и последствия решений, принимавшихся партийными и хозяйственными органами разных уровней, изменявшуюся роль профсоюзов. Для более детального изучения происходивших процессов исследователи рассматривали их на примере отдельного металлургического предприятия – завода «Серп и молот» [7]. Однако отраслевые различия (текстиль и металл) распространялись в значительной степени на формирование и развитие системы трудовых стимулов.

В данной статье роль социальных факторов в системе стимулирования труда в годы первой пятилетки (1928–1932 г.) рассматривается на примере одного из крупных текстильных предприятий с богатой дореволюционной историей – Трехгорной мануфактуры, ранее принадлежавшей Прохоровым. Отдельные вопросы эффективности применявшихся на этой фабрике трудовых стимулов рассматривались применительно к более раннему периоду – военного коммунизма и нэпа [4; 10]. В книге С. М. Лапичкой, вышедшей в 1935 г. и посвященной быту рабочих Трехгорной мануфактуры на протяжении длительного периода (с момента основания предприятия в 1799 г. и до начала второй пятилетки) [6], многие аспекты этой проблемы охарактеризованы весьма детально. Однако задача, стоявшая перед автором и сформулированная в предисловии («старому быту» противопоставить «новый быт, типичный для нашей социали-

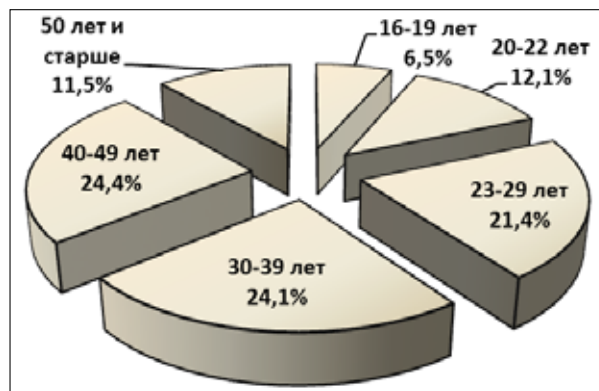

Рисунок 1. Возрастной состав рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. (в процентах от общего числа)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

стической родины»), на наш взгляд, привела к определенным искажениям реальной картины.

Исследований, направленных на рассмотрение социальных факторов как элементов трудовой мотивации рабочих Трехгорной мануфактуры в годы первых пятилеток, не проводилось.

Наше исследование основано на архивных материалах, преимущественно хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 7952 содержит большое количество документов по истории отдельных промышленных предприятий, собранных для последующей публикации в серии «История фабрик и заводов». Однако немалая часть их так и не была опубликована. В эту группу входят и материалы переписи рабочих Трехгорной мануфактуры, проведенной в 1931 г. при участии профсоюзов. В анкету, на основе которой проводилась перепись, были включены и вопросы, позволяющие охарактеризовать бытовую (а не только производственную) сторону жизни рабочих предприятия, причем с разделением их на группы в зависимости от пола, возраста, семейного положения и состава семьи, времени начала производственной деятельности, уровня образования и квалификации и прочего.

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению роли социальных факторов в системе трудовой мотивации в годы первой пятилетки, необходимо дать общую характеристику состава рабочих Трехгорной мануфактуры в начале 1930-х гг. После 1917 г. фабрики Прохоровых, как и многие другие предприятия, пережили национализацию и потеряли значительную часть рабочих рук. Только постепен-

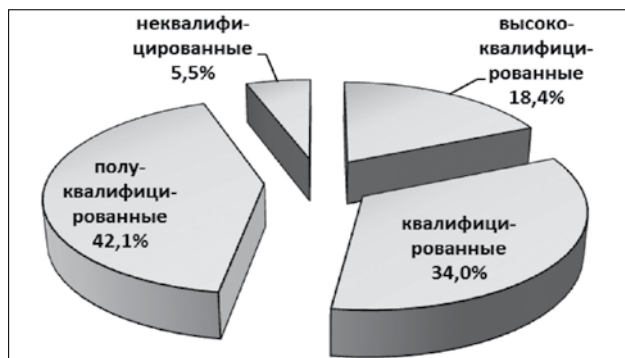

Рисунок 2. Квалификация рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. (в процентах от общего числа)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

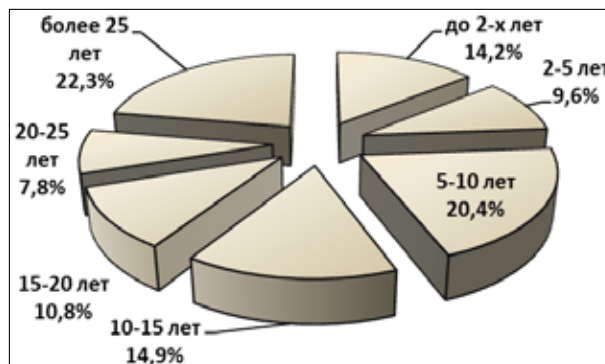

Рисунок 3. Производственный стаж рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. (в процентах от общего количества)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

ное восстановление промышленности в период нэпа сформировало условия для возвращения на производство старых работников и прихода новой, более молодой смены. В 1928/1929 г. на Трехгорке числились 6 333 рабочих, что соответствовало довоенному показателю (6 998 человек в 1913/1914 г.). К началу второй пятилетки численность рабочих заметно сократилась, в 1933 г. она составляла 4 800 человек [6, 143–144], что во многом стало следствием введения режима экономии и уплотнения штата рабочих.

Проведенное в 1931 г. обследование состава рабочей силы Трехгорной мануфактуры охватывало 3 971 человека. Рисунок 1 показывает возрастной состав рабочих Трехгорки в 1931 г.

Как видим, в 1931 г. почти равными по численности являются три группы работников, возраст которых составляет 20–29 лет (21,4%), 30–39 лет (24,1%) и 40–49 лет (24,4%). При этом таблица 1 (см. Приложения) показывает, что начиная с 1922 г., в условиях восстановления производства в период новой экономической политики, на фабрику идет приток рабочих более молодого возраста. А в 1926–1927 гг. более половины вновь принятых рабочих (51,2%) представляли возрастную категорию от 20 до 22 лет. В последующие годы их доля несколько уменьшается (34,4% в 1928 г., 35,3% в 1929 г., 31,6% в 1930–1931 гг.), но все равно составляет около трети от числа новичков, принятых на Трехгорку. И хотя в 1931 г. 55,1% из числа работающих на фабрике начали свой трудовой путь в промышленности в дореволюционный период, средний возраст рабочих постепенно снижается. С одной стороны, это можно рассматривать как положительное явление, поскольку

более молодые работники легче поддавались на призывы к ударному труду и осваивали азы науки, снимали проблему нехватки трудовых ресурсов. С другой стороны, уровень их квалификации зачастую не соответствовал запросам предприятия, что заставляло хозяйственное и партийное руководство обращать пристальное внимание на подготовку кадров. Кроме того, молодые рабочие, получив поначалу комнату или койку в фабричных казармах, обзаводились семьями, и количество проживавших в казармах неуклонно возрастало, что приводило к перенаселенности и снижению показателей размера жилой площади и кубатуры в расчете на одного человека.

Рисунок 2 показывает, что высококвалифицированные и квалифицированные рабочие составляли в 1931 г. чуть более половины работников предприятия (52,4%).

Таблица 2 (см. Приложения) показывает, что чем позднее рабочие начинали работать на Трехгорке, тем ниже был уровень их квалификации. Так, среди пришедших на Трехгорку до 1917 г. доля квалифицированных и высококвалифицированных рабочих составляла 63,3%, среди принятых в 1918–1921 гг. – 45,9%, в 1922–1925 гг. – 50,0%, в 1926–1927 гг. – 47,9%, в 1928 г. – 34,6%, в 1929 г. – 31,1%, в 1930–1931 гг. – 18%. «Старая гвардия» постепенно покидала предприятие в силу возраста, а молодых требовалось готовить к выполнению сложных производственных задач. При этом, как показывает рисунок 3, доля вновь принятых на Трехгорку в течение последних двух лет перед 1931 г. составляла более 14%, что немало. На рисунке 1 можно увидеть, что доля рабочих Трехгорки старше сорока лет составля-

ла в 1931 г. 35,9%, что вполне согласуется с данными *рисунка 3* и *таблицы 3* (см. Приложения), которые свидетельствуют, что доля работников с более чем 20-летним стажем составляла 30,1%.

В условиях индустриализации, появления новых технологий, расширения ассортимента выпускаемых товаров усиливалась потребность в повышении уровня грамотности рабочих. Обследование 1931 г., охватившее 4 015 рабочих Трехгорки, показало, что грамотными были 75,1%, причем у мужчин этот показатель заметно выше, чем у женщин: 88,9% против 65,2%. Кроме того, процент грамотных увеличивается по мере движения от старших возрастов к более молодым [12, 61].

Жилищный вопрос был одним из наиболее острых в ряду бытовых проблем, с которыми сталкивались рабочие и руководство предприятий как в дореволюционный период, так и в первые годы советской власти и в период первых пятилеток. Каменные казармы для размещения рабочих появились на Трехгорной мануфактуре в 1880-х гг. Условия проживания в них были далеки от комфортных, что, впрочем, было характерно для большинства рабочих-текстильщиков в дореволюционной России. Решить проблему переполненности жилых корпусов не удалось и в течение 1920-х гг., хотя такие попытки предпринимались неоднократно. Так, после революции жилищный фонд Трехгорки увеличился в результате проведенной «национализации домов капиталистов». Рабочим предложили записываться в очередь на переселение, и вскоре эти дома были полностью заселены и превращены в «дома-коммуны» [6, 125–126]. Предполагалось, что жителей таких домов объединит совместный быт, в частности совместное воспитание детей, приготовление пищи, уборка, стирка, проведение культурных мероприятий. Однако реальные условия далеко не всегда позволяли реализовать подобные планы. Большие надежды возлагались на жилищно-строительный кооператив, созданный на Трехгорке в 1924 г. и почти сразу начавший строительство шести деревянных домов. В 1927 г. кроме деревянных кооперативом был построен один каменный двухэтажный дом [6, 157]. Это позволило создать более приемлемые условия проживания лишь для небольшого числа работников, но окончательно решить жилищную проблему так и не удалось, поскольку численность рабочих росла быстрее, чем количество введенных в строй квадратных метров [4, 76].

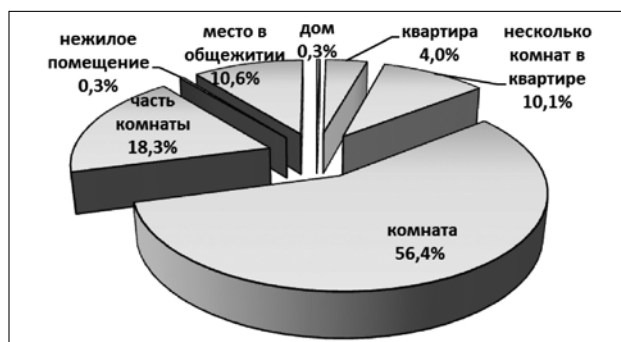

Рисунок 4. Тип жилого помещения, занимаемого рабочими Трехгорной мануфактуры в 1931 г. (в процентах от общего числа рабочих)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 63.

В 1931 г. было проведено обследование состояния жилищных условий рабочих Трехгорной мануфактуры в зависимости от семейного положения, производственного стажа и уровня квалификации. В этом обследовании, результаты которого представлены на *рисунках 4* и *5*, приняли участие 3 953 человека, в том числе 3 194 (80,8%) семейных и 759 (19,2%) одиноких [12, л. 63]. Следует отметить, что сведения о жилищных условиях рабочих, имеющих разную квалификацию и пришедших на фабрику в разные годы, даны в источнике только для категории семейных. *Рисунок 4* показывает разделение работников Трехгорки на группы в зависимости от характера занимаемого ими жилого помещения.

Как видим, более половины рабочих (56,4%) занимали отдельную комнату, причем этот процент существенно выше у семейных (64,9%) по сравнению с одиночными (20,2%). 78,3% одиночек занимали только часть комнаты или койку в фабричном общежитии, в то время как для живущих с семьей этот показатель составляет 16,7% [12, л. 63].

Только 4% от включенных в обследование рабочих проживали в отдельной квартире. Для этой группы заметны определенные различия в зависимости не только от семейного положения, но и от времени прихода на фабрику и уровня квалификации. Так, доля живших в отдельной квартире для одиноких рабочих составляла всего 0,4%, а для семейных – 4,9%. Среди устроившихся на Трехгорку в 1926–1927 гг. наблюдается самый высокий процент тех, которые занимали отдельную квартиру (9,9%), а для пришедших в другое время этот показатель колеблется в пределах 1,4–6,5% [12, л. 63]. По результатам обследова-

дования в отдельной квартире проживали 7,2% квалифицированных рабочих. Среди неквалифицированных доля таких «счастливчиков» заметно ниже (1,4%). Жилплощадь, состоявшая из нескольких комнат, числилась только за семейными рабочими, что вполне логично. При этом устроившиеся на Трехгорку в 1926–1927 гг. вновь оказались в более выигрышной ситуации: среди них доля занимавших несколько комнат самая высокая (16,7%), в то время как для остальных групп этот показатель колеблется в пределах 7,5–14,3% [12, л. 63]. Скорее всего, это объясняется тем, что, как упоминалось выше, в 1926–1927 гг. жилищно-строительный кооператив фабрики ввел в строй несколько деревянных домов и один каменный. Это позволило слегка улучшить условия проживания принимаемых на фабрику, тем более что в данный период в связи с расширением производства предприятие было заинтересовано в притоке рабочих рук. Кроме того, видимо, для квалифицированных рабочих, необходимых производству, особенно с учетом провозглашенных задач первой пятилетки, руководство предприятия старалось создать более комфортные условия проживания, что позволяет рассматривать возможность получения лучшего и большего по площади жилья как один из элементов системы стимулирования, хотя его значимость по сравнению с дореволюционным периодом все же снижается. И приоритетное значение в этом вопросе имели наличие и состав семьи, а не производственный стаж, уровень образования и квалификации, количество и качество произведенной продукции и т. п.

Однако сам факт получения отдельной квартиры или нескольких комнат не гарантировал соблюдения даже минимальных норм жилой площади из расчета на одного проживающего. Поэтому необходимо рассматривать такую характеристику, как размер жилой площади на одного человека (*рисунок 5*).

Рисунок 5 показывает, что половина рабочих (49,9%) проживали в условиях, когда на 1 человека приходилось до 4 кв. м полезной жилой площади, причем для семейных и одиноких рабочих этот показатель отличается несущественно и составляет 50,5 и 46% соответственно. Кроме того, в этом случае не оказывали существенного влияния ни время прихода на фабрику, ни уровень квалификации. Единственное заметное отличие относится к категории, имевшей более 8 кв. м на человека. Доля квалифицированных рабочих, имевших столь комфортные по

тем временам условия проживания, составляет 7,4%, а среди неквалифицированных – 1,8%. Семейный статус тоже имел значение. Так, лишь 5,1% семейных рабочих могли похвастаться таким сравнительно большим метражом на человека, а для одиноких этот показатель составляет 20,4% [12, л. 63]. Все сказанное выше приводит к выводу о том, что стимулирующий эффект от возможности получения качественного жилья был ниже, чем на крупных текстильных предприятиях в дореволюционный период.

В начале 1930-х гг. в распоряжении Трехгорки находились четыре категории жилья, предоставляемого работникам. В 1931 г. в фабричных казармах (спальнях) проживали 34% работников предприятия, в «домах-коммунах» – 20%, на частных квартирах – 40%, в фабричных домах – 6% (только служащие) [12, л. 72]. В 1924–1925 гг. полезная площадь на одного проживавшего составляла 5,46 кв. м [4, 76]. Однако в 1931 г. ситуация в казармах была хуже, причем она отличалась в разных спальнях и составляла от 2,7 до 4,9 кв. м на человека; в большинстве же случаев значение данного показателя колебалось в пределах 3–4 кв. м [12, л. 70]. Руководство Трехгорной мануфактуры признавало остроту жилищного вопроса. Обследование 1931 г. выявило «сильное переполнение» спален, «особенно небольших комнат для одиночек», в которых вместе с одиночками проживали по две-три семьи, а также «отсутствие помещений для детей», которые играли «в коридорах и на лестницах» [12, л. 72об.]. 15% семей жили по две семьи в одной комнате [12, л. 72], хотя еще в 1921 г. инспектор труда требовал от фабричной администрации «не допускать поселения двух семей в одной комнате» [6, 126]. В «домах-коммунах», которые превратились в стандартное фабричное общежитие, ситуация была немногим лучше. Часть жилых комнат в них располагалась в темных и сырых подвалах и полуподвалах [12, 72об.]. Одна из молодых работниц, опрошенная во время обследования, рассказывала, что она в том же 1931 г. начала работать на Трехгорке и сразу получила комнату «в доме, который ранее представлял особняк графа Шереметева» [1, л. 135а]. В комнате проживали 12 взрослых, а также двое детей в возрасте 3 лет и 3 месяцев. Полноценно отдохнуть после работы в таких условиях было непросто. Выборочное обследование частных квартир показало, что с размером жилой площади на одного человека дела там обстояли чуть лучше по сравнению с казармами и «домами-коммунами», но 36% комнат

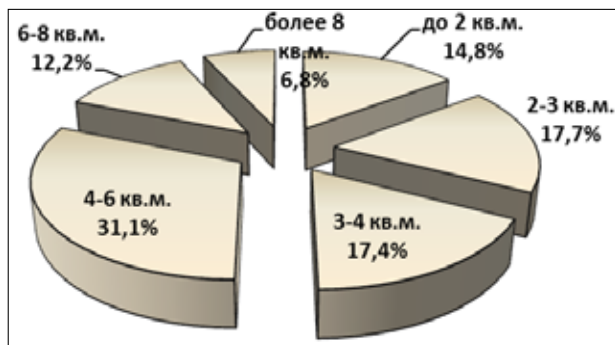

Рисунок 5. Размер жилой площади, занимаемой рабочими Трехгорной мануфактуры в 1931 г., в расчете на 1 человека (в процентах от общего числа рабочих)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 63.

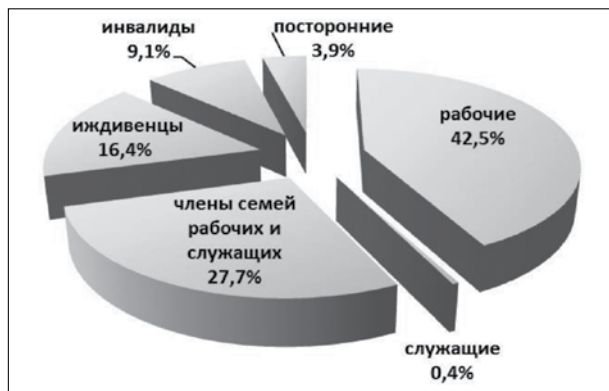

Рисунок 6. Состав проживавших в фабричных казармах Трехгорной мануфактуры в 1931 г. (в процентах от общего числа жильцов казарм)

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 70.

«сырые», а дома часто «неблагоустроенные, ветхие» [12, л. 72об.].

По результатам обследования было принято решение о «переустройстве» фабричных казарм, в результате которого должна была увеличиться вместимость спален, а также ожидалось улучшение условий проживания. Еще в конце 1920-х гг. Трехгорке из разных источников было выделено 3,5 млн рублей на строительство жилых корпусов [6, 158], однако процесс возведения четырех многоэтажных зданий затянулся. В 1930-м г. были построены первый новый корпус, куда переселились обитатели 42-й и «Варакинской» спален [6, 158], отличавшихся наибольшей плотностью заселения и плохими условиями проживания. В документах Трехгорки встречается упоминание о двух «Варакинских» спальнях – старой и новой. Численность проживавших в 42-й и двух «Варакинских» спальнях составляла накануне переселения 495 человек (из которых только 192 человека являлись рабочими), что составляло всего 13,6% от всех проживавших в фабричных казармах [12, л. 70]. В самом конце 1930 г. был достроен и второй новый корпус, но проблема высокой перенаселенности спален оставалась. В связи с этим было принято решение не ограничиваться постройкой новых жилых зданий, а часть выделенных средств потратить на реконструкцию казарм, их перестройку по квартирной системе. При составлении плана реконструкции исходили из того, что на одного жильца должно приходиться 5 кв. м жилой площади. Добиться снижения плотности заселения фабричных жилых помещений планиро-

вали и за счет выселения посторонних людей, которые не имели к фабрике никакого отношения. Но, как показывает рисунок 6, они составляли небольшой процент жильцов (3,9%).

Помимо перепланировки в ходе реконструкции казарм асфальтовые полы заменили деревянными, провели центральное отопление, отремонтировали водопровод и канализацию, улучшили вентиляцию помещений. На время строительно-ремонтных работ жителей казарм переселяли, причем не всегда в жилые помещения. Некоторые вынуждены были ночевать в закрытой Николо-Ваганьковской церкви [6, 158], другие оказались в здании без элементарных удобств, временно приспособленном под общежитие. В связи с этим можно понять недовольство рабочих затянувшейся реконструкцией казарм и медленным строительством новых домов [1, л. 111–121]. В итоге постановлением Московского партийного комитета возведение жилых корпусов для рабочих Трехгорки «было отнесено к числу сверхударных строек» [6, 160], что позволило привлечь дополнительные ресурсы и ускорить темпы строительства.

Одной из важных характеристик жилья являлась близость его к фабрике. Во время опроса 1931 г. рабочие, недавно сменившие место проживания, называли одной из причин переезда тот факт, что новое жилье находится ближе к месту работы. Результаты обследования показывают, что 85% рабочих жили на расстоянии не более 2 км от фабрики, 9,9% – в 2–5 км, 2,7% – в 5–8 км, 2,4% – более чем в 8 км. Посмотрим, зависела ли дальность проживания от семейного статуса, времени прихода на фабрику и уровня

квалификации. Среди семейных рабочих на расстоянии, не превышавшем 2 км, проживали 86,5%, а у одиночек этот показатель немного ниже (78,3%). Также можно наблюдать имевшиеся незначительные различия по этому показателю в зависимости от времени начала работы на фабрике и квалификации. В пределах указанного расстояния проживали 90,1% устроившихся на Трехгорку до 1917 г. и 86% тех, которые пришли в 1918–1925 гг. У начавших работать на фабрике в более поздний период доля таких рабочих составляет 73,1–77,1%. Более существенные различия мы можем видеть для рабочих с разным уровнем квалификации. 89,5% высококвалифицированных рабочих и только 68,1% неквалифицированных проживали сравнительно близко от места работы (не более 2 км) [12, л. 63]. Указанные отличия могут объясняться разными обстоятельствами. Во-первых, рабочие, трудившиеся на предприятии еще с дореволюционного периода и имевшие место в фабричных казармах, сохраняли за собой это право. Кстати, процент квалифицированных среди них был сравнительно высоким. Во-вторых, руководство фабрики, очевидно, было заинтересовано в квалифицированных рабочих и предоставляло им по возможности более комфортные условия проживания, чтобы закрепить их за предприятием. В-третьих, уровень доходов неквалифицированных рабочих был ниже, поэтому в случае вынужденного проживания на съемной квартире они выбирали более дешевый район, даже если в этом случае жилье находилось на значительном расстоянии от фабрики.

Снабжение рабочих товарами первой необходимости, и в первую очередь продуктами, являлось одной из задач руководства предприятий в дореволюционный период. Несмотря на многочисленные нарекания в адрес фабричных лавок, открытых во второй половине XIX в., следует признать, что в первые годы XX в. ситуация меняется в лучшую сторону. На крупных предприятиях снабжению рабочих стали уделять первостепенное внимание, осознав, что зачастую этот фактор является залогом сохранения спокойствия в фабричном городке и бесперебойного функционирования производства. В период военного коммунизма и в начале нэпа продовольственная проблема приобрела еще большую остроту. И несмотря на то что по мере восстановления экономики снабжение продуктами городского населения улучшалось, к началу первой пятилетки ее нельзя было назвать ре-

шенной, особенно на фоне введения карточной системы в 1928–1935 гг.

Идеи коллективизма, которые находили отражение в различных сферах, партийные и хозяйственные органы пытались претворить и в сфере питания через создание рабочих столовых на предприятиях, которые должны были стать неотъемлемым элементом «нового социалистического быта».

В 1929 г. в газете «Труд» появилась статья, критиковавшая состояние дел с питанием рабочих на Трехгорке, и в частности речь в ней шла о работе столовой [6, 169]. Судя по сохранившимся свидетельствам, это подтолкнуло руководство фабкома вплотную заняться данным вопросом, и в результате на рубеже 1920–1930-х гг. в работе фабричной столовой на Трехгорке произошли позитивные изменения: улучшилось качество питания и обслуживания рабочих, расширилось помещение, стало более разнообразным меню. Плюсом было то, что столовая работала круглосуточно, а значит, и работники ночной смены могли получить горячую пищу во время перерыва.

В 1931 г. 1 887 рабочих Трехгорки были проанкетированы для выяснения качества их питания. Проведенный опрос показал, что более половины рабочих (52,3% мужчин и 58% женщин) питаются преимущественно не мясной, а растительной пищей. Значительная часть работников была неудовлетворена качеством питания: так ответили 40,4% мужчин и 44,7% женщин [12, л. 81]. Выяснилось, что создание при фабрике общественной столовой не решало проблему питания. Большинство работников (не говоря уже о членах их семей) все равно питались дома (85% мужчин и 97% женщин), хотя и отмечали, что столовые снабжаются продуктами гораздо лучше [12, л. 81]. Среди причин отказа от услуг учреждений общественного питания назывались следующие: 1) зарплата не позволяет регулярно питаться в столовой, поскольку этот вариант питания дороже, чем домашний, а порции дают маленькие; 2) живут они далеко от фабрики, а потому если и питаются в столовой, то только в обеденный перерыв в силу отсутствия иных вариантов; идти же в столовую из дома специально очень неудобно [1; 2].

Действительно, стоимость питания в столовой нельзя назвать доступной для большинства семей рабочих Трехгорки. С. М. Лапицкая пишет: «Обеды доступны по цене. За 24–25 руб. в месяц рабочий имеет два мясных или рыбных блюда в день» [6, 170]. При этом в 1931 г. 20,3% семей рабо-

чих Трехгорки имели средний уровень месячного дохода на 1 человека не более 20 руб., 30,1% – от 21 до 30 руб., 23,2% – от 31 до 40 руб., 26,5% – свыше 40 рублей [12, л. 74]. Эти данные заставляют усомниться в доступности регулярного питания в столовой для многих рабочих, тем более что коммунальные услуги, особенно для переселившихся в новые дома и отремонтированные помещения, составляли немалую сумму. Среди рабочих были и такие, которым даже периодическое питание в столовой было не по карману, и во время обеденного перерыва они обходились легким перекусом прямо у станков.

Таким образом, в годы первой пятилетки руководство Трехгорной фабрики, как и других промышленных предприятий, уделяло внимание улучшению быта рабочих, проявляло интерес к текущему состоянию этих бытовых условий, «узким местам». С одной стороны, устроенность быта должна была позволить работникам сосредоточить свои усилия на производствен-

ных вопросах, общественной работе, повышении уровня образования и квалификации. С другой стороны, предоставление даже весьма скромных бытовых удобств могло служить средством поощрения и закрепления на предприятии квалифицированных рабочих, нехватка которых остро ощущалась в рассматриваемый период. Так, можно заметить, что квалифицированные рабочие имели жилье, расположенное ближе к предприятию, что снижало расходы времени и сил на дорогу. Да и площадь в расчете на одного проживавшего у квалифицированных рабочих была выше. В целом именно стимулирующий эффект социального фактора в период советской индустриализации был ниже, чем в конце XIX – начале XX в. Да и проблем в этой сфере оставалось немало. Несмотря на прилагавшиеся усилия, условия проживания рабочих предприятия медленно менялись по сравнению с дореволюционным периодом, а в ряде случаев и проигрывали по сравнению с тем временем.

Приложения

Таблица 1

Состав (пол и возраст) рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. в зависимости от года поступления (в процентах от числа учтенных рабочих)

Год начала работы на производстве	Всего учтено рабочих	Пол		Возраст							
		муж.	жен.	16–17 л.	18–19 л.	20–22 л.	23–29 л.	30–39 л.	40–49 л.	50–59 л.	60 л. и старше
до 1917	2 188	40,8	59,2	–	–	–	7,5	33,0	40,0	18,5	1,0
1918–1921	338	37,6	62,4	–	–	1,5	59,8	24,7	11,0	2,7	0,3
1922–1925	560	37,9	62,1	–	2,1	26,8	49,6	13,9	5,4	2,0	0,2
1926–1927	168	54,9	45,1	–	14,3	51,2	25,6	5,9	1,8	1,2	–
1928	165	40,6	59,4	1,2	35,0	34,4	18,4	6,1	4,3	0,6	–
1929	185	49,2	50,8	1,7	24,9	35,3	24,3	8,8	3,3	1,7	–
1930 и позже	367	51,8	48,2	2,5	27,5	31,6	24,2	9,9	3,3	0,8	0,2
ИТОГО	3 971	42,1	57,9	0,4	6,1	12,1	21,4	24,1	24,4	10,9	0,6

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

Таблица 2

Квалификация рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. в зависимости от года поступления (в процентах от числа учтенных рабочих)

Год начала работы на производстве	Всего учтено рабочих	Квалификация (%)			
		высококвалиф.	квалиф.	полуквалиф.	неквалиф.
до 1917	2 188	26,7	36,6	33,9	2,8
1918–1921	338	13,7	32,2	50,8	3,3
1922–1925	560	13,0	37,0	44,1	5,9
1926–1927	168	5,5	42,4	47,3	4,8
1928	165	3,2	31,4	48,4	17,0
1929	185	3,3	27,8	60,6	8,3
1930 и позже	367	1,9	16,1	64,8	17,2
ИТОГО	3 971	18,4	34,0	42,1	5,5

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

Производственный стаж рабочих Трехгорной мануфактуры в 1931 г. в зависимости от года поступления (в процентах от числа учтенных рабочих)

Год начала работы на производстве	Всего учтено рабочих	Производственный стаж								
		до 1 г.	более 1 – до 2 лет	более 2 – до 5 лет	более 5 – до 10 лет	более 10 – до 15 лет	более 15 – до 20 лет	более 20 – до 25 лет	более 25 – до 30 лет	более 30 лет
до 1917	2 188	–	–	0,9	5,1	19,7	19,6	14,2	16,9	23,6
1918–1921	338	–	–	1,8	50,5	47,7	–	–	–	–
1922–1925	560	–	0,5	6,5	93,0	–	–	–	–	–
1926–1927	168	–	0,6	94,0	5,4	–	–	–	–	–
1928	165	–	13,9	86,1	–	–	–	–	–	–
1929	185	2,2	85,9	11,9	–	–	–	–	–	–
1930 и позже	367	92,4	7,6	–	–	–	–	–	–	–
ИТОГО	3 971	8,7	5,5	9,6	20,4	14,9	10,8	7,8	9,3	13,0

Источник: ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377. Л. 59.

Библиография:

1. Анкеты по быту рабочих на А–Н // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 387.
2. Анкеты по быту рабочих на Н–Ю // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 388.
3. Бородкин Л., Валетов Т., Смирнова Ю., Шильникова И. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 535 с.
4. Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Мотивация труда на фабрике «Трехгорная мануфактура» в первые годы советской власти // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 55–87.
5. Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
6. Лапицкая С. М. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М.: Государственное издательство «История заводов», 1935. 202 с.
7. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот». 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
8. Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915. М.: Терра, 1996. 271 с.
9. Радуга Трех гор. Из биографии одного рабочего коллектива. М.: Московский рабочий, 1967. 488 с.
10. Сафонова Е. И. Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 389–419.
11. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4 / Под ред. Л. И. Бородкина. М.: Издательство МГУ, 2000. С. 39–80.
12. Статистические сведения по охране труда и быту. 1925–1931 годы // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 377.

References (transliterated):

1. Ankety po bytu rabochikh na A–N // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 7952. Op. 3. D. 387.
2. Ankety po bytu rabochikh na N–Yu // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 7952. Op. 3. D. 388.
3. Borodkin L., Valetov T., Smirnova Yu., Shil'nikova I. «Ne rublem edinyim»: Trudovye stimuly rabochikh-tekstil'shchikov dorevolutsionnoi Rossii. M.: ROSSPEN, 2010. 535 s.
4. Borodkin L. I., Safonova E. I. Motivatsiya truda na fabrike «Trehhgornaya manufaktura» v pervyye gody sovetsoi vlasti // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2002. № 1. S. 55–87.
5. Il'yukhov A. A. Kak platili bol'sheviki: Politika sovetsoi vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg. M.: ROSSPEN, 2010. 415 s.
6. Lapitskaya S. M. Byt rabochikh Trekhgornoi manufaktury. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Istoriya zavodov», 1935. 202 s.
7. Markevich A. M., Sokolov A. K. «Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa»: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot». 1883–2001 gg. M.: ROSSPEN, 2005. 368 s.
8. Prokhorovy. Materialy k istorii Prokhorovskoi Trekhgornoi manufaktury i torgovo-promyshlennoi deyatel'nosti sem'i Prokhorovykh. 1799–1915. M.: Terra, 1996. 271 s.
9. Raduga Trekh gor. Iz biografii odnogo rabocheho kollektiva. M.: Moskovskii rabochii, 1967. 488 s.
10. Safonova E. I. Moskovskie tekstil'shchiki v gody nepa: kvalifikatsiya i differentsiatsiya v oplate truda // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2000. M.: ROSSPEN, 2001. S. 389–419.
11. Sokolov A. K. Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov) // Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie. Vyp. 4 / Pod red. L. I. Borodkina. M.: Izdatel'stvo MGU, 2000. S. 39–80.
12. Statisticheskie svedeniya po okhrane truda i bytu. 1925–1931 gody // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 7952. Op. 3. D. 377.